

мился бывать там, где бывала княгиня, о его деликатности и трогательном внимании к ней, Аносов высказал предположение, что жизнь Веры Николаевны «пересекла именно такая любовь, о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины». Но эту романтическую любовь Желткова не способны постичь ни княгиня, ни ее брат, ни сам Шеин (впоследствии он поймет и оценит все по-другому).

Подарок Желткова оскорбил их аристократическую фамильную честь, и решено было действовать. На встрече аристократов (брат княгини и Шеин) с плебеем Желтковым выявилось нравственное превосходство простого человека. Товарищ покурора счел ниже своего достоинства подать Желткову руку. Разговаривая с ним, он кричал и грозился даже прибегнуть к властям. Желтков не обратил внимания на бесцеремонность поведения Тугановского, сумел оценить проявленное к нему внимание со стороны князя. И слова, обращенные к нему, проникнуты трепетным чувством к Вере Николаевне, покорностью своей судьбе: «Я знаю, что не в силах разлюбить ее никогда... Остается только одно — смерть... Вы хотите, я приму ее в какой угодной форме». Князь ощутил, что скрывалось за этим признанием: «Чувствую, что присутствую при какой-то громадной трагедии души». И впоследствии он скажет жене: «Я не сводил с него глаз и видел каждое его движение, каждое изменение его лица. И для него не существовала жизнь без тебя».

Раздраженный ответ Веры Николаевны на просьбу Желткова разрешить ему остаться в городе, чтобы хотя бы изредка ее видеть — беспощадный ему приговор. У княгини не нашлось доброго слова человеку, который боготворил ее. Ведь просил Желтков о самой малости: «изредка ее видеть, конечно, не показываясь ей на глаза» (на это немного он мог обойтись без позволения княгини). После жестких слов Веры Николаевны («Ах, если бы вы знали, как мне надоела эта история») он был потрясен и принял окончательное решение: «Вы обо мне более не услышите и, конечно, больше никогда меня не увидите». И, принимая это решение, Желтков хотел бы исключить разговоры о причинах его смерти, чтобы как-то не задеть имя любимой женщины. Следствие не располагало данными о присвоении Желтковым денег, оно основывалось лишь на его записке: «Смерть покойника произошла по причине растраты казенных денег. Так по крайней мере самоубийца упоминает в своем письме».

Наиболее ярко сила чувств, самоотвержение Желткова проявились в его предсмертном письме. Он винит себя в том, что вторгся в чужую жизнь и просит княгиню простить его. «Я не виноват, что богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к вам». Эта любовь была его «единственной радостью в жизни, единственным утешением». Желтков находит проникновенные слова для выражения своих чувств: «Каждое мгновение дня было заполнено вами, мыслью о вас, мечтой о вас». И, прощаясь с ней, он желает любимой, чтобы ничто не омрачало ее жизнь.

Однако при всей значительности этого чувства любовь Желткова в чем-то ущербна. Его в действительности ничего не интересовало: «ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о буду-

щем счастье людей». Все замкнулось на любимой женщине. И вот, когда Желткову показалось, что он причинил ей беспокойство, боль, все рушилось в его существовании. Жить нечем. Отсюда безропотный уход из мира однообразных будней.

После гибели Желткова Вера Николаевна начала осознавать, что мимо нее прошла та любовь, о которой можно только мечтать. Когда ей вручили предсмертное письмо Желткова и она узнала его почерк, то «с нежностью, которой она в себе не ожидала, развернула письмо» (курсив наш.— И. К.). Оно глубоко взволновало ее.

Вера Николаевна послушалась мужа и поехала проститься с покойником. Она хотела узнать, как Желтков провел последние часы, что он делал и говорил. Она простилась с покойником, «поцеловала его в холодный, влажный лоб долгим дружеским поцелуем».

Любовь Желткова как бы вошла в духовный мир Веры Николаевны, всколыхнула увядшую душу женщины, пробудила дремавшие чувства. Она призналась мужу: «Я ничего от тебя не хочу скрывать, но я чувствую, что в нашу жизнь вмешалось что-то ужасное». «Ужасное» — это тоска по большому чувству, которое ее миновало.

Эпиграф к повести — соната № 2 Бетховена — это гимн большим человеческим чувствам. И слушая сонату (прослушать ее было последней просьбой Желткова), Вера Николаевна рыдала. Это была боль о потере человека, в гибели которого частица ее вины; слезы, быть может, выражали ее неосознанную удовлетворенность жизнью, не знавшей значительных чувств и помыслов.

СМЫСЛ ПОВЕСТИ не только в прославлении любви, больших человеческих чувств, но и в утверждении благородства простых людей. В этом устремленность многих произведений писателя («Белый пудель», «В недрах земли», «Листригоны» и др.). В «Гранатовом браслете» Куприн осудил мир барства, неуважительное отношение к простому человеку. В газете «Речь» (1911, № 75) критик, впоследствии известный литературовед, утверждал, что в повести автор благославляет «заячьи души» Шеинных, Фриессе. Так ли? Обратимся к отдельным строкам о Вере Николаевне. Она «была строго проста, со всеми холодна и немного — свысока любезна, независима и царственно спокойно» (курсив наш.— И. К.). Ее барственная надменность проявляется не только по отношению к слугам, но даже к незнакомым людям. Так, с домохозяйкой Желткова она разговаривает тоном приказа. Княгиня безразлична к жизни страны. Она «никогда не читала газет, потому что, во-первых, они ей пачкали руки, а во-вторых, она никогда не могла разобраться в том языке, которым нынче пишут».

Если Вера Николаевна хотя бы в прошлом была влюблена в мужа, то ее сестра Анна Николаевна мужа не могла терпеть. Устраивало только то, что он был очень богат. Жизнь ее наполнена погоней за острыми впечатлениями, флиртом. Попутно она занималась благотворительностью. Ее усилиями был построен приют для порочных детей. «И вот приют открыт, освящен, все готово — и ни одного воспитанника, ни одной воспитанницы». Такова цена ее деятельности. Казалось бы, сама профессия